

О. Зарицкий

Цена желаний

**Москва
«Книга по Требованию»**

**Желания мотивируют жить.
Но многие из них исполняются и ранят душу.
А потом тело...**

Украина г. Херсон ноябрь 1998 года.

Промозглый ветер с дождём и вечерняя темнота разогнали всех прохожих на улицах.

В ярко освещённую и тёплую аптеку вошла босая женщина с растрёпанными длинными волосами, в коричневом плаще, накинутом поверх белой ночной рубашки. Она вся дрожала.

В аптеке был всего один посетитель – пожилой, щупленький мужчина. Толстая, высокая аптекарша с красными волосами, видимо приняла её за наркоманку и раздражённо крикнула:

- Метадон только по рецепту. Уходите отсюда.

- Помогите, мне, пожалуйста, - прошептала женщина. – Помогите!

Мужчина посмотрел на её ноги. По ним текла кровь и быстро растекалась тёмно-красной лужицей. Подол её ночной рубашки был весь красный. Опустив голову и увидев под собой лужу крови, женщина потеряла сознание и упала на пол...

Скорая привезла её в один из Херсонских роддомов. Пульс у женщины почти не прощупывался.

- Кровотечение началось ещё до вашего приезда? – спросила молоденькая медсестра у врача скорой, когда женщину переложили на каталку. – Где её документы? Как фамилия?

- Да, до приезда. А документов нет и фамилии я не знаю, - врач замялся. – Сказали, что она зашла в аптеку и потеряла сознание.

Пока санитары везли женщину в операционную, медсестра осмотрела карманы плаща. Там был украинский паспорт.

В операционной её сразу подключили пульсоксиметр и аппарат искусственного дыхания.

- У плода гипоксия, - определила хирург.- Состояние тяжёлое.

- Сердцебиение плода шестьдесят, пятьдесят восемь, семь, продолжает падать, - отсчитывала пульс не рождённого младенца медсестра.

- Отслойка плаценты. Нужно срочно извлекать ребёнка! – скомандовала хирург. Когда тельце окровавленного младенца достали из чрева матери, ни она, ни мальчик не дышали.

- У плода пульса нет. Мы их потеряли, - констатировала хирург.

Мёртвому ребёнку перерезали пуповину и положили на стол рядом с матерью. Обоих накрыли простынёй.

- Смерть роженицы и плода наступила 18 ноября в 22.13, - диктовала хирург, а медсестра записывала в операционный журнал. – В резуль...

- Уа-Уа-Уа, - тишину операционной разорвал громкий крик младенца.
  - Он жив, - радостно вскочила медсестра и откинула простыню.
  - Но этого не может быть! – удивилась хирург. – Его сердце не билось более десяти минут!
- Так родился Димитрий.

Глава 1 Москва май 2010 года.

Я прошёл обследование и первый курс лечения в одном из онкологических институтов Москвы. В день, когда были готовы последние заключения и анализы, медсестра принесла в мою палату лекарство и завтрак.

- Вас просил зайти Станислав Борисович, - сказала она.

Проглотив таблетки, запил и надевая куртку, вышел из палаты. Кабинет профессора был совсем рядом. На двери висела табличка с его регалиями. Я постучал и сразу вошёл. Профессор Вяземский, сидел за своим столом и что-то быстро писал. Это был высокий, седовласый мужчина с тонкими чертами лица. За его спиной, на стене висели многочисленные доказательства профессиональных достижений в золочёных рамочках.

- Да, проходите, - он увидел меня и жестом указал на стул, напротив. Что-то дописал и, сняв очки, так пристально посмотрел мне прямо в глаза, как будто готовил к чему-то. Внутри всё сжалось. По взгляду профессора я понял – результаты анализов его не порадовали. Не смотря на то, что морально готовился к подобному разговору, всё равно, его слова прозвучали как приговор.

- К сожалению, Пал Сергеич, чуда не произошло, - он явно сопереживал мне и нервно теребил кончик своего носа, хотя подобные вещи говорил своим пациентам, наверное ежедневно. – Мы смогли остановить рост опухоли, инвазию в прилежащие ткани и не допустили метастазирования, но это лишь временный эффект, пока вы поддерживаете необходимую дозу препарата в организме. Но препарат убивает вашу печень.

Как не готовил себя к подобному, всё равно слова профессора прозвучали как приговор. Всё тело закололо иголками, а в голове зазвенели слова – чуда не произошло, чуда не произошло. Если бы не сидел, то мог бы и упасть на мгновенно ослабевших ногах. Странно, всегда считал себя сильным человеком. Даже думал, что не боюсь смерти, а оказалось – боюсь и очень сильно. До дрожи в ногах. До немеющего языка и паники, которая мгновенно охватило меня.

Но чтобы не опозориться перед профессором, попытался взять себя в руки и как можно более спокойнее спросить:

- И сколько мне осталось? – я старался говорить тихо и медленно, боясь сорваться. Очень тяжело это слышать в сорок шесть, хотя, наверное и в шестьдесят не легче, но этого я уже не узнаю.
- Всё очень индивидуально, - профессор взял снимок и посмотрел на него. - Вы действительно хотите это знать?
- Да, если можно.

- Думаю, не больше полугода. Это в лучшем случае. Дальнейшее лечение может продлить этот период, но одновременно приведёт к ещё большей интоксикации и астении всего организма. Решать вам. В конце концов, вы можете обратиться в другую клинику.

- А что бы вы сделали на моём месте, профессор?

- Честно? - он задумался, нахмурив свои кустистые седые брови. - Знаете, я часто езжу на семинары и однажды мы с коллегами говорили об этом. Я спросил у них, пойдут ли они сами по тому кругу, по которому пускают своих пациентов. И знаете, что мне ответили?

Я с интересом смотрел на него.

- Семь из десяти сказали, что принимали бы лекарства до тех пор, пока они снимают боль, а потом покончили с собой. Я с ними солидарен, поэтому так откровенен с вами.

- Понял Станислав Борисович. Тогда проведу эти полгода, или сколько мне там осталось в загулах и пьянстве, - я старался говорить с улыбкой, но голос немного дрожал.

- Алкоголь я бы не рекомендовал, так как это может ускорить рост опухоли.

- Это я так глупо шучу, профессор. Спасибо, что сказали правду, - я встал и протянул ему руку на прощание. Рука вроде бы не дрожала.

Профессор вышел из-за стола и сжал мою ладонь, крепкой рукой хирурга.

- Вот возьмите, - он протянул мне листок с адресом.

- Что это?

- Это адрес одного целителя в Украине. Как врач, я не имею права вам его советовать, но раз официальная медицина оказалась бессильна, - он вздохнул и развёл руками. - Я слышал, что он очень многим помогает.

- Когда могу выписываться? - я взял бумажку и положил в карман куртки.

- Как скажете, хоть завтра.

- А можно сегодня?

- Понимаю, - профессор первый раз улыбнулся за время разговора. - Хорошо, я распоряжусь.

- Удачи вам, - попрощался я и вышел из кабинета.

На ватных ногах, вернувшись в палату, не мог придти в себя. Но лежать не мог. Сидеть тоже. Как загнанный зверь, ходил от окна к двери. В голове пульсировала только одно слово – полгода, полгода, полгода. Как же так? Почему? За что? Я не хочу! Я не готов!

В этот момент я возненавидел деньги, которые всегда считал мерилем своего успеха. Зачем мне теперь всё то, к чему я стремился. Всё то, что имею, если здоровье кончилось.

В эти минуты я готов был отдать всё, чтобы только этой болезни не было, но чудес на свете не бывает. Все планы и дела теперь казались ничтожными и не нужными.

Перед лицом близкой смерти всё разом потеряло смысл.

Но нельзя паниковать. Нельзя показывать свой страх. Значит так должно быть. Сам

же говорил, когда кто-то уходил раньше срока – судьба такая. Значит и мне нужно достойно пройти это испытание.

Немного придя в себя и успокоившись, я позвонил водителю. Потом принял душ и переоделся. За время лечения тяжело было привыкнуть к молчащему телефону, потому, что старую симку я вынул, чтобы никому ничего не объяснять, а новый номер знал только водитель и Вика. Но через неделю я даже начал получать удовольствие от отсутствия звонков. Так хорошо, когда тебя никто не беспокоит и ты не носишь с собой этого маленького свидетеля твоей жизни.

Машину дождался уже во дворе клиники, сидя на скамейке в парке и дышал воздухом. Впервые за много лет, смотрел не перед собой, а вокруг. Конец мая в этом году удивительно тёплый и солнечный, а я и не заметил как деревья позеленели. На душе стало совершенно спокойно. Настроение ровное. Видимо потому, что я отношусь к тому типу людей, которые не плачут над разбитой чашкой. Нет смысла жалеть о том, что нельзя изменить. Теперь нужно жить с этим. Как важно знать правду! Странно, но именно отсутствие иллюзий меня реально успокоило.

По дороге домой я впервые просто смотрел на проезжающие машины и спешащих людей на тротуарах. Я знал, что у всех свои заботы, проблемы. Но теперь я понимал настоящее значение слова - суета. Перспектива у всех одна и та же. Только они ещё об этом не задумываются, а мой поезд уже начал движение туда, где нет суеты, и часы отсчитывают время до моего прибытия. Поэтому, моё ощущение времени уже изменилось, а для них ещё нет. Я как бы входил в другое измерение, ещё не понимая, но каждой клеточкой ощущал, что мои минуты наполняются другим смыслом и свободой. Всегда считал, что её человеку дают деньги. Но сейчас, находясь на заднем сидении своей машины, которая везла меня домой сквозь московские пробки, я вдруг понял, как заблуждался все эти годы. Деньги дали мне лишь свободу выбора, но при этом связали многочисленными ограничениями. Настоящую свободу я начинал ощущать только сейчас - перед лицом своей смерти. Когда она взмахнула надо мной своим костлявым крылом и указала на тщетность всех моих усилий под названием успех. Только сейчас я понимал, что, всё, что до этого считал очень важным, вдруг стало ничтожным и отошло на второй план. Ведь теперь мне некуда спешить, не нужно строить грандиозных планов, радоваться очередным накоплениям, или огорчаться своим потерям. Моё время начинает наполняться яркими красками, которые раньше просто не замечал.

За окном машины замелькали коттеджи. Мы въехали в посёлок, где совсем недавно купил новый дом. Тогда меня это событие очень радовало. Сейчас - полное равнодушие.

Открылись ворота, и машина въехала во двор.

- Заедешь завтра в девять, - сказал я водителю и, поднявшись в дом, бросил сумку с вещами в прихожей. Вики дома не было, а звонить ей я не хотел. Переодевшись, спустился в гостиную и зажёл камин. Сел в кресло и, укрывшись пледом долго смотрел на огонь. Мыслей никаких не было. Просто смотрел. Сам не

заметил как уснул. Проснулся, когда уже стемнело. На часах было за полночь. Вики по-прежнему не было. «Вот так и не заметит, что меня уже нет», - подумал я, почему-то вспоминая, как глупо познакомился с ней в ресторане год назад. Мне тогда не понравился вкус вина и я попросил пригласить администратора. Администратором этого ресторана была Вика. В деловом костюме, с пышной копной рыжих волос и замечательной улыбкой. Через неделю я заехал туда поужинать и снова увидел её. Ужинали мы уже вместе, а через день она уволилась и переехала ко мне. Теперь она жила своей жизнью, а я своей. За этот год мы пережили все стадии семейной жизни. От отчаянной близости, когда хочется вместе и в туалет ходить, до абсолютного молчания по вечерам во время совместного ужина. Даже спали уже в разных спальнях. Пока не было только ненависти, но и страсть уже исчезла. Как и не было. Поэтому Вика ничего не знала о моих проблемах со здоровьем. Для неё я летал на переговоры и изучал новую страну для инвестиций, а не лежал на обследовании. При разнице в двадцать лет у нас не могло быть духовной близости, поэтому в её сочувствии я нуждался меньше всего, чтобы не нарваться на фальшивые слёзы.

Проснувшись утром, по инерции принял душ и спустился на завтрак. Завтрак - это овсянка и морковный сок. Ужасная гадость, но на удивление, у меня был аппетит.
- Доброе утро, Павел Сергеевич, - домработница Анна налила в чашку зелёный чай и отошла к плите.

- Доброе, спасибо, Анна, - я отпил глоток.

Я вдруг понял, что с удовольствием ем эту овсянку. Так будто это удивительное творение кулинарного искусства. Мне действительно было очень вкусно, как никогда.

Позавтракав, принял лекарство, взял портфель с документами и спустился в машину.

- Давай на Соколовского, - сказал водителю.

Там меня ждал мой нотариус.

Девушка – секретарь мило улыбнулась.

- Проходите, пожалуйста. Марк Борхович уже ждёт вас.

Когда я вошёл в его кабинет, нотариус встал и вежливо поклонился, как в те времена, когда ещё уважали и любили своих клиентов. Он был без пиджака, в тёмной жилетке, которая сочеталась по цвету с рубашкой и бабочкой. Небольшой животик выдавал в нём человека ведущего спокойный образ жизни. В кабинете приятно пахло дорогим парфюмом.

- Проходите, любезный Пал Сергеич, - улыбался он мне как родному. -

Присаживайтесь в кресло. У меня уже всё готово. Осталось только вписать фамилии наследников.

Он положил передо мной два экземпляра завещания и сел напротив.

Всё движимое и недвижимое я записал на свою супругу Светлану и сына Дениса. Вике оставил только Лексус, на котором она ездила, и двушку в Химках. Анне - небольшую сумму денег в качестве выходного пособия. Поставил свою

подпись.

Нотариус скрепил все экземпляры своей подписью и печатью.

- Какие распоряжения по оглашению? – спросил он.

- Всё по процедуре, - я улыбнулся и попрощался с ним. - Удачи вам, Марк Борхович.

- Спасибо, любезнейший, Пал Сергеич, - он встал и сделал полупоклон. - Всегда рад. Всегда.

На фирму не поехал. Не было ни малейшего желания. Тем более, что все дела по фирме перед лечением, я передал управляющей компании. А поехал я... в зоопарк. Побродил, посмотрел животных, поел мороженого. По дороге домой опять смотрел на людей, но сегодня уже не так философски, а как-то по иному. Так, будто я посвящённый, а они пока нет. Даже пробки по дороге меня совсем не раздражали. Это придавало моим ощущениям некий новый импульс приближающейся тайны, которую пытались узнать многие из живущих, но ещё никому не удавалось.

Вика была дома.

- Ты раньше вернулся, милый. Что-то случилось? – спросила она, формально поцеловав меня в щёку.

- Нет. Просто раньше всё уладил. Вот пару дней могу отдохнуть.

- Странно, раньше ты только ночевать приезжал.

- Обдумываю новую сделку, поэтому решил уединиться.

- Хорошо, не буду тебе мешать. Ты не возражаешь, если я сегодня немного задержусь у Веры?

- Нет, конечно. Мы же договорились. Деньги на карточке есть?

- Да спасибо, дорогой, - она поцеловала меня в губы и тихо ушла.

Даже не побывала со мной, не спросила ни о чём. Хотя мне уже тоже было не интересно разговаривать о её делах и проблемах. Так, что всё взаимно. Обижаться я мог только на самого себя. Зрелый мужчина, сожительствуя с молодой женщиной, не должен питать иллюзий. Молодость дарит своё тело в обмен на деньги зрелости. Душа в этот преискурант не входит. Сопереживать по-настоящему и быть настоящим другом может только любящая женщина, близкая по возрасту и мировоззрению, которая прожила с тобой много лет в печали и в радости. Сердце сжалось. Как же мне сейчас не хватало моей Светланы. Только она смогла бы понять меня. Но мы уже два года живём отдельно.

Ночью снилось море, бесконечное и удивительно красивое, а утром, когда спустился на завтрак, Анна протянула мне мятый листок бумаги.

- Что это? – не понял я.

- Это было в кармане вашей куртки, которая лежала в сумке. Я перед стиркой проверила карманы и решила, что это может быть важно.

Посмотрел на бумажку и вспомнил профессора Вяземского. Это был адрес какого-то села в Херсонской области. Целителя звали Димитрий.

«Вот что мне нужно! Небольшое приключение. Вряд ли поможет, но от скуки на

какой-то период точно спасёт! Заодно и со Светланой с Денисом повидеюсь»
 Приняв решение, я открыл компьютер и забронировал ближайший билет до Киева. Вылет был вечером. Забронировав отель и машину, начал собираться в дорогу. Путешествие к знахарю начиналось.

Глава 2

Прилетев в Киев, оформил машину и поехал в отель. Киев я знал. Жил здесь пару лет, поэтому добрался без проблем. Ужинать не хотел и сразу заснул. Рано утром я уже был в пути. Мне предстояло проехать чуть более шестисот километров. Дорога была новая и очень ровная, практически без поворотов, уходящая к горизонту. Широкая, как автобан, но с ограничением до 110. Невысокую скорость компенсировала лёгкая музыка и прекрасная погода – яркое солнце, голубое и безоблачное небо, нежно зелёные поля по обе стороны дороги. Незаметно пролетели двести пятьдесят километров и по указателю пришлось свернуть на обычную двухполосную и проезжать много различных городков и деревень.

По дороге вспоминал своё детство. Почему – то вспомнил, как в детском саду, перевернул на себя тарелку с горячим супом. Получил сильный ожёг. Боль не помню. Но вспомнил, как отец на руках, две недели, носил меня в поликлинику, которая находилась в нескольких километрах от дома. Вспомнил, как болело ухо, и врач говорила родителям, что возможно я оглохну. Но ничего, всё обошлось. Только левым ухом слышу чуть хуже, чем правым. Но жить мне это не мешает. Потом, почему-то вспомнил, как в школе с пацанами задирали юбки девочкам из класса. Баловались все, а наказали меня одного. Тогда мне было очень обидно, сейчас смешно. Вспомнил, как дрался с пацанами из старших классов, не желая отдавать мелочь, чем заслужил уважение и меня освободили от этой дани. Вспомнил смешную девочку из класса, похожую на мышку. Её кажется звали Мариной и она мне очень нравилась. Своё внимание я выказывал во время уроков, постоянно поглядывая в её сторону. Был замечен и прилюдно высмеян всеми девочками.

После восьмого класса я ушёл из школы и детство кончилось.

В техникуме была другая жизнь.

Во второй половине дня я добрался до Херсона. Там узнал, что до этого села ещё километров шестьдесят, которые проехал по пыльному просёлку.

Аборигены указали на небольшой, под красной крышей, чисто побеленный домик, с большим двором. То, что здесь живёт целитель, было видно издали по скоплению машин и людей у двора. Да, прелесть народной медицины налицо. Перспектива простоять здесь несколько дней в ожидании своей очереди меня не радовала. За углом, в поле было несколько палаток. Возле одной из них развешивала детское бельё женщина лет сорока в цветастом халате. Я обратился к ней.

- Скажите, а как записаться на приём?

- К Димитрию?

Я кивнул.

- Там, во дворе, - она махнула рукой в сторону дома.

Во дворе стояло несколько длинных скамеек, на которых сидели люди с детьми. В углу, в тени дерева, под навесом, был дощатый стол, а за ним сидел белобрысый парень лет пятнадцати и важно лузгал семечки. На столе лежал блокнот и ручка, указывающие на его статус. Я подошёл к нему.

- Как мне записаться к Димитрию?

Он оценил меня опытным взглядом и открыл блокнот.

- Вы откуда?

- Из Москвы, - сказал я, в надежде, что парень учтёт расстояние, которое я преодолел.

- Димитрий приёмэ, - парень полистал блокнот. – Тока в субботу е время, – глядя снизу вверх, сверкнул кривоzubой улыбкой.

- Через три дня? – удивился я, понимая, что ему всё равно, откуда я приехал.

- Такова жызнь, - философски сказал парень и с важным видом закурил сигарету.

Из дома вышла девушка с младенцем на руках. К ней подошла та женщина, которая была у палатки.

- Ну, шо, дочка? – нетерпеливо спросила она.

- Тихо, мамо, - цыкнула на неё девушка. – Видишь, уснул. Доктор казав, шо щё завтра и всё буде добрэ.

- Ой, слава богу! – зашептала женщина, несколько раз перекрестив ребёнка и вытирая слёзы платком. Они вышли со двора.

- Сивашко есть? – крикнул парень с блокнотом.

Полный мужчина лет пятидесяти, постоянно качающий головой, встал со скамейки и рассеянной походкой, пошёл в дом. Остальные облегчённо вздохнули.

Я сел на скамейку у стола, рядом с парнем и тихо спросил:

- А что никак нельзя ускорить процесс? Ну, например на завтра, на утро, - и я подмигнул ему.

Парень оживился, стряхнул шелуху с футболки и открыл блокнот. Полистал и тихо сказал:

- Та можна, но завтра будэ дороже. Якшо у десять утра.

- Молодец. Сколько?

- Та обычно сотня, но с москвича две, - он прищурился, наблюдая за моей реакцией.

- А чем мы лучше обычных, - улыбнулся я.

- А за газ, - он смачно сплюнул.

- Держи, - я не торгуюсь, протянул ему под столом тысячерублёвую купюру, сложенную пополам. Это было чуть больше двухсот гривен. Купюра мгновенно исчезла в его штанах.

- Завтра шоб не опаздывали. Приходите як за полчаса. Як фамилия?

- Самарин.

Он записал в блокнот.

- А где ночевать? – задал я глупый вопрос.
- Та в машине. Можна заночувать у бабы Фроси или к Сидориным. А душ хотите, - он махнул рукой в дальний угол двора. – Так за сараем е. Вода тэпла и бесплатно. Поесть у центре. Добрэ готовят у Колыбе.

Сразу за домом было поле. За полем была видна река.

Я поехал в центр села. Там оказалось целых три кафешки: «У Раи», У Тани» и «Колыба»

Я выбрал третью, как рекомендовал пацан, и не ошибся. Внутри было скромненько, но очень чисто и уютно. Аппетитно пахло жареным мясом. Это усилило моё чувство голода. Рот наполнился слюной, как у собаки Павлова.

Розовощёкая хозяйка с пышным бюстом любезно согласилась приготовить мне постный овощной супчик. Она порекомендовала свой морс, но я отказался, не желая испытывать желудок в такой экстремальной ситуации. Взял простую воду в бутылке. Вспомнил, что про удобства у пацана не спросил. Но они наверняка где-нибудь во дворе, рядом с душем.

- Шо к Димитрию? – поинтересовалась хозяйка, одарив меня своей золотой улыбкой. Три передних зуба у неё были золотыми.

- А у вас ещё тут есть врачеватели? – опять удивился я.

- Та не, - улыбалась она. – Он один такой, - и нежно добавила. – Кормилец наш.

- В каком смысле? – не понял я.

- Та до него мы тилькы своим хозяйством та городом спасались. А тепер живём як добри люды.

И сыти и здорови. Старшому сыну ось у Хэрсони квартиру купыла, а младшой у нёго администратором працное - гордо сообщила хозяйка.

- Так это ваш сын? Шустрый парнишка, – я понял, почему он рекомендовал именно это кафе. Правильно организованный семейный бизнес достоин уважения.

- Так, Сёмка, молодець. На институт соби грошы збирае. У Киев хоче ехать.

- А почему колыба? – спросил я. – От слова Колыбельная?

- Ни. Так ранише корчмы называлы. Ну, трактиры по-руськи. Мои конкуренты, - она кивнула в сторону соседских заведений. – В честь сэбе поназывали, дуры, по-модному. А у мого прадеда своя колыба була. Тэпэр и в нас е.

- И всё за счёт приезжих к Димитрию? – не поверил я.

- А то. Я ж кажу кормилец наш.

- И что многим помогает?

- Та усем, хто с добрым сердцем, - улыбалась она.

- А с не добрым?

- А с недобрым гонит. Но вы нэ хвилюйтэсь, у вас сердце добрэ. Вам вин поможе.

- А откуда вы знаете?

- Знаю, - уверенно сказала хозяйка. - А ось и ваш супчик. Кушайте на здоровьице. Вси овощи домашние. Вид ных ниякаой хвори нэ будэ.

Я попробовал суп. Он был очень горячим, но съедобным.

Перекусив, поблагодарил гостеприимную хозяйку и поехал обратно. Солнце уже клонилось к закату. Решил пройти к реке по натопанной тропинке. Поле оказалось коротким, и я остановился на краю обрыва. Внизу была широкая излучина реки, за которой простирались бескрайние поля до самого горизонта. Солнце красиво отражалось багрянцем в спокойном зеркале воды. Воздух был удивительно чистым. От реки тянуло свежестью.

Вокруг была удивительная тишина!

Тут я заметил ступеньки, вырытые в земле по направлению к реке. Подошёл ближе. Они вели к небольшой площадке, прямо внутри обрыва. И на этой площадке, скрытый от людских глаз со всех сторон, сидел мальчик и смотрел вдаль, прямо перед собой. Его руки лежали на коленях, так будто он медитировал, но только ладонями вниз. Он не оглянулся на меня, а я не стал его беспокоить и отошёл в сторону. Полюбовавшись закатом и быстро наступающей темнотой, я вернулся к машине, разложил сидения, достал плед и включил фумитокс от комаров. Где-то далеко лаяли собаки. Под убаюкивающий стрёкот сверчков даже не заметил, как уснул.

Проснулся рано. Было шесть утра. Солнце уже встало, и в машине было немного жарко. Странно, но я выспался. Настроение было замечательное. Я даже поймал себя на мысли, что с момента прилёта в Киев, я как бы забыл о своей проблеме и ни разу не вспоминал о ней.

В палатках ещё спали. Взял полотенце и прошёл во двор за сарай. Туалет действительно был рядом с душем. К моему удивлению, внутри был унитаз, а не выгребная яма. Ничего так, чистенько. Даже сидуха и туалетная бумага есть. Цивилизация!

Душ тоже меня порадовал. Стены, как и в туалете, были облицованы бежевой вагонкой. Прохладная, утренняя водичка меня слегка взбудрила и освежила. Когда я закончил утренние процедуры, пацан Сенька был уже на посту.

- Здорово, Самарин, - он улыбался мне, как старому знакомому.
- Здравствуй Семён. Всё в силе?
- У нас усё як в аптеке, - подтвердил он. – Як спалось?
- Замечательно. Давно так не выспался.
- Мамо сказала, шо можете приехать на сніданок, если шо.
- Сніданок? Это что? – не понял я
  - Ну, завтрак по москальски.
  - Спасибо. Наверное, съезжу. Как зовут маму?
  - Наталья, - заулыбался пацан, довольный, что я согласился.
  - А во сколько же вы начинаете работать?
  - Та у семь. Кто рано встает, тому бог дае, - важно ответил Сёмка.

Вдоль дороги шли коровы, которых хозяева выводили из дворов и провожали в стадо.

В «Колыбе» уже кипела жизнь. Хозяйка в красном фартуке стояла у плиты и что-то помешивала в большой кастрюле, а её помощница – девушка лет двадцати,